«Все тюрки и монголы были покорены его величием и мощью»

(Чингиз-хан в некоторых тюркоязычных источниках)

Личности Чингиз-хана (около 1155-1227 гг.), как и проблеме монгольских завоеваний XIII в., посвящено немало научных и научно-популярных работ. Вместе с тем большой научный интерес представляют не только подробности биографии великого завоевателя, но и представления о нем в историографической и эпической традиции разных народов, чьи предки входили в состав Монгольской империи.

Большинство письменных тюркоязычных источников, передающих историю Чингиз-хана и первых чингизидов (притом что подобных сочинений и так сохранилось немного), восходят к персидским источникам, в первую очередь к трудам наиболее крупных средневековых иранских историков — Ала ад-Дина Ата-Мелика Джувейни (около 1226-1283 гг.) и Рашида ад-Дина Фазлаллаха Хамадани (около 1247-1318 гг.). Памятников, передающих собственно золотоордынскую историографическую традицию, сохранилось чрезвычайно мало. Впрочем, историографии Чагатайского улуса «повезло» еще меньше. Связано это, по-видимому, со следующими причинами.

Большинство населения и правящей элиты улусов Джучи и Чагатая составляли представители тюркских и монгольских племен, практически не имевших традиций собственной письменной истории (не считая фактически забытую ко времени монгольских завоеваний историографическую традицию Восточно-Тюркского каганата). В период единства Монгольской империи

на основе монголо-тюркских преданий начала формироваться и монгольская историография, представленная официальной историей «золотого рода» Чингиз-хана «Алтан дептер» (Золотая книга), до нашего времени не дошедшей, и эпическим «Сокровенным сказанием монголов».

Сохранившиеся источники показывают, что уже в то время монголо-тюркская историография весьма сильно зависела от фольклора. Хранителями монгольской историографии являлись носители уйгурской письменной традиции, составлявшие штат придворных писцов, — бахши. Как полагал В. В. Бартольд, «уйгурские писцы при чагатайских ханах стояли ближе к престолу, чем представители мусульманской культуры, и ведение хроники исторических событий всецело находилось в их руках»[1]. Вероятно, схожая картина наблюдалась и в Улусе Джучи. После исламизации улусов Джучи и Чагатая в первой половине XIV в. на местную историографию должна была оказать влияние историография державы Ильханов. Есть и свидетельство сосуществования двух традиций — мусульманской и монголо-тюркской — в пределах Улуса Чагатая: Тимур, поручивший описание своих походов персидскому историку Низам ад-Дину Шами, пользовался также услугами уйгурских писцов, составивших на тюркском языке стихотворную хронику его походов, — «Тарих-и хани» (Ханская история)[2]. В. В. Бартольд отмечал «сомнительную достоверность уйгурских записей», которые «не могли заменить персидских исторических сочинений. До понимания различия между историей и легендой из всех тюркских народов дошли только османы; уйгуры, по-видимому, не имели исторических сочинений в настоящем смысле слова»[3]. Вслед за распространением ислама и арабской письменности в Улусе Джучи на протяжении XIV-XV вв. шло вытеснение уйгурского письма. Вместе с сужением сферы распространения уйгурского письма происходило и исчезновение его памятников, в числе которых, очевидно, были и легендарные исторические сочинения или летописи*.

Многочисленные междоусобицы, иноземные нашествия и вызванный этими факторами упадок городской жизни на большей части территории Улуса Джучи немало способствовали упадку и письменной культуры, в том числе историописания. Остались лишь некоторые устные предания, оказавшие влияние на авторов предлагаемых ниже сочинений («Таварих-и гузиде — Нусрат-наме», «Тарих-и Дост-султан», «Дафтар-и Чингиз-наме») или записанные исследователями сравнительно недавно (эпос «Идегей»). Свою роль в упадке джучидской историографии сыграло и крушение в XVI-XVII вв. большинства татарских государств (Казанского, Астраханского, Сибирского ханств, Ногайской Орды, Касимовского царства).

В связи с вышеизложенным при отборе тюркоязычных источников по истории Чингиз-хана для настоящей публикации мы отдали приоритет таким сочинениям и их фрагментам, в которых, на наш взгляд, нашла наиболее полное отражение джучидская (золотоордынская) историческая традиция.

«*Таварих-и гузида — Нусрат-наме*» (Избранные истории из Книги побед). Сочинение посвящено жизнеописанию узбекского хана Мухаммеда Шейбани (1451-1510). Считается главным произведением шейбанидского круга источников. Труд датируется 1502-1504 гг. По признанию автора, при написании работы им были использованы источники на монгольском, персидском и тюркском языках. Перевод осуществлен по изданию: Таварих-и гузида — Нусрат-наме / Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений канд. филол. наук А. М. Акрамова. – Ташкент, 1967. – С. 65-66 (критический текст).

«*Тарих-и Дост-султан*» Утемиш-хаджи б. мауланы Мухаммеда Дости. Историческое сочинение, написанное в 1550 г. по поручению Шейбанида Иш-султана — младшего брата хивинского хана Дост-султана (1557-1558). Автор — Утемиш-хаджи — выходец из влиятельной

* Считая неправомерным давать какую-либо оценку факту «небрежного» отношения тюркской, равно как и монгольской, историографии к датам и последовательности событий, отметим, что тесное переплетение легендарной и реальной истории, даже после распространения письменности (рунической, уйгурской, арабской) и связанной с этим возможности более четкой фиксации дат и событий или смены идеологической парадигмы общества (для улусов Джучи и Чагатая — их исламизации), является, по-видимому, одной из особенностей духовной культуры тюркских и монгольских народов. О своеобразии исторической и вообще письменной литературы у татар см.: Госманов М. Мөхәммәдьяр: бөеклек фажигасе // Мөхәммәдьяр. Нуры содур. Поэмалар, шигырь. – Казан, 1997. – Б. 318.

семьи, бывшей в услужении у основателя династии хивинских ханов-шейбанидов Ильбарс-хана (1512-1525). Сам Утемиш-хаджи служил вначале у Ильбарса, по-видимому, в должности дворцового писаря. Сочинение Утемиш-хаджи охватывает время правления Чингиз-хана и чингизидов — XIII-XIV вв. и содержит сведения о ханах Улуса Джучи, начиная с Бату-хана и кончая приходом к власти хана Тохтамыша. «Тарих-и Дост-султан» (заглавие дефектного ташкентского списка сочинения — «Чингиз-наме») написано в основном на материале преданий и устной информации, а также не дошедших до нас хроник. Перевод приводится по изданию: Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой. – Алма-Ата, 1992. – С. 91-94 (перевод).

«*Дафтар-и Чингиз-наме*» (Книга о Чингизе). Анонимное татарское историко-публицистическое сочинение, датируемое концом XVII в. Состоит из нескольких глав-дастанов, первая из которых излагает легендарную биографию Чингиз-хана. По-видимому, этот источник содержит реминисценции джучидской и ранней монгольской историографии*. Перевод осуществлен по изданию: Ivanics M., Usmanov M. Das Buch der Dschingis-Legende (Daftar-i Cingiz-nama). – Szeged, 2002. – Bd. I: Vorwort, Einfuehrung, Transkription, Woerterbuch, Faksimiles. – S. 38-52, 55-56, 62.

«*Идегей*». Народный эпос (дастан), возникшей в среде ногаев — основного населения Ногайской Орды. Широко известно бытование многочисленных вариантов этого эпоса в устном народном творчестве ногайцев, татар, каракалпаков, башкир и других тюркских народов, на этногенез которых оказал влияние ногайский компонент. Эпос посвящен исторической личности — основателю «Мангытского юрта» (Ногайской Орды) беклербеку Идегею (1352-1419), описанию его конфликта с золотоордынским ханом Тохтамышем и совершенных им деяний. Несмотря на то что дастан в основном содержит апологию Идегея и даже противопоставляет его чингизиду Тохтамышу, в произведении отражены признаки «законного», «отмеченного небом» правителя, на формирование которых оказали влияние джучидские идеологические установки. Перевод осуществлен по изданию: Идегәй: Татар халык дастаны. – Казан, 1988. – Б. 18-19.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Академик В. В. Бартольд. Сочинения. – М., 1963. – Т. I. – С. 99-100.
2. Там же. – С. 102.
3. Там же. – С. 100-101, 102.

№ 1. Таварих-и гузида — Нусрат-наме

Детство и юношество Чингиз-хана и начало его деяний

Чингиз-хан принадлежит к [фратрии] нирун, происходящей от Алан-Куа. Вступив в сознательный возраст, в скитаниях он познал мир. Много разных событий произошло от него в этом мире. В конце концов все тюрки и монголы были покорены его величием и мощью и сделались его холопами. Выйдя из местности […]**, он подчинил себе [все] климаты и мир.

В тринадцать лет Чингиз-хан остался без отца. Все эли, объединенные вокруг Есугей-бахадура, пришли к нему, и, найдя его слишком юным, все [его] покинули. Но, поскольку его мать Уалун-Ике была мудрой и праведной, она смогла сохранить часть имущества и прислуги, оставшихся от Есугей-бахадура. Положение Чингиз-хана много раз было бедственным и ненадежным. Много раз он терпел притеснения от племени тайджиутов. Один раз его даже сделали невольником, однако Бог, благоволя ему, благополучно его избавил. Чингиз-хан претерпел и многие другие мучения и лишения. А было это ниспослано ему затем, чтобы стало ему известно величие Аллаха Всевышнего, чтобы знал он цену монаршей власти и заботой оберегал рабов Божьих. […]

* Последнее подтверждается, в частности, тем, что предания о необыкновенных обстоятельствах рождения Чингиз-хана, схожие с сюжетом, изложенным в «Дафтар-и Чингиз-наме», бытовали уже в XIII в. (см.: Киракос Гандзакеци. История Армении. – М., 1976. – С. 173). О влиянии раннемонгольской историко-эпической традиции на «Дафтар-и Чингиз-наме» см.: Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. – Казань, 1972. – С. 108-110.

** Неразборчиво.

№ 2. Утемиш-хаджи. Тарих-и Дост-султан

[Глава первая]

Начало повествования о Чингиз-хане

Когда Чингиз-хан овладел вилайетами, одной стороной [которых] был Багдад, другой — Хиндустан, третьей — Дашт-и Кыпчак [и] река Идиль, он пожаловал эти вилайеты своим четырем-пяти сыновьям. Вилайет Ирака он отдал Хулагу-хану. Угедей-хана поставил в своем вилайете. Тули-хана держал около себя. Чагатай-хану отдал вилайеты Бухары, Самарканда, Хорасана и Хисара.

Йучи-хан был старшим из его сыновей. Он [Чингиз-хан] дал [ему] большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал [ему также] вилайет Хорезма. Когда Йучи-хан отправился в вилайет Дашт-и Кыпчака, он достиг Улуг-Тага, который известен. Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо маралов. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер.

[Глава вторая]

Иджан-хан [и] Саин-хан

Известно, что Иджан-хан и Саин-хан родились от дочери Туралы-хана, его [Йучи-хана] жены. [У него было] еще семнадцать сыновей, которые были от других его жен. Эти Иджан и Саин уступали друг другу ханствование. Саин-хан был моложе. Сказал он своему старшему брату Иджану: «Ты мой старший брат, [который] заменил мне отца. Значит, ты мне отец. Мы уходим в чужой юрт. Ты будь ханом». Иджан сказал: «Верно, что я старше тебя летами. Но наш отец очень любил тебя и вырастил баловнем. До сих пор я лелеял тебя и покорялся тебе. [Но] может [статься так], что я, если стану ханом, [уже] не смогу по-прежнему покоряться тебе, так что между нами возникнет война [и] ненависть. [Так] будь же ханом ты. Я снесу твое ханствование, ты же моего ханствования не перенесешь». Много раз предлагал [Саин] своему старшему брату, говоря: «Что это за слова?! Как подобает мне стать ханом, когда у меня есть старший по йасаку брат?!». Когда тот не согласился и когда [Саин] сказал: «В таком случае давай что-нибудь предпримем. Давай пойдем к нашему великому деду Чингиз-хану. И я изложу свои слова, и вы изложите ваши слова. Каково бы ни было повеление нашего деда, по тому и поступим», — [тот] одобрил эти слова и принял [их]. Два сына, родившиеся от одной матери, и семнадцать сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе отправились на корунуш к великому хану. Когда они прибыли на служение к своему [деду] хану, хан поставил им три юрты: белую юрту с золотым порогом поставил для Саин-хана; синюю орду с серебряным порогом поставил для Иджана; серую орду со стальным порогом поставил для Шайбана. […]

Теперь мы опять подошли к началу прежнего предания. Когда Чингиз-хан поставил своим огланам юрты и в тот [же] вечер произвел подсчет сусуна и коналги, [то] наутро устроил корунуш. Было устроено двенадцать кругов. И беки его уселись по порядку. После того как пища была съедена в торжественной обстановке, Саин-хан снова преклонил колена и сказал: «Когда умер наш отец, я сказал [Иджану]: «Вместо него [ты] все равно [что] мой отец. Будь ханом, так как мы идем в чужой юрт. [Он] не согласился. Не могу понять, по какой причине [он] не согласился. [И я] пришел, чтобы изложить вам это свое заявление». [Чингиз-]хан сказал: «Саин говорит слова, соответствующие йасаку. Почему [же] ты не согласился?». Когда Иджан также преклонил колена [и] сказал: «Да, мой хан! Верно, что я старше летами. Но наш отец очень любил его и вырастил баловнем. До сих пор я покорялся ему. Он [же] не покорялся мне. Если я стану ханом, то не смогу по-прежнему покоряться ему, между нами возникнут злоба и ненависть. Я не соглашаюсь [стать ханом] по той причине, что покажусь вам дурным. Пусть ханом станет теперь только он. Я снесу его ханствование», [Чингиз-]хан растрогался от этих слов, вспомнил своего сына Йучи-хана, прослезился, воздал им обоим еще большую хвалу и сказал: «Завтра [мы] посоветуемся с беками и дадим вам ответ». Наутро, устроив совет с беками, [Чингиз-хан] в соответствии с ханской ясой отдал Саин-хану правое крыло с вилайетами на реке Идиль, [а] левое крыло с вилайетами вдоль реки Сыр отдал Иджану. […]

№ 3. Дафтар-и Чингиз-наме

Дуин-Баян ханствовал 19 лет. За 3 дня до своей кончины он собрал народ и беков и сказал: «Увы, о бездельники, знайте, что нет [оказывается] спасения от смерти. Если наступит смертный час, нет [оказывается] ни лекарства, ни [иного] средства. Я думал умереть в одно время

со своей супругой Алангу, однако пришел мой смертный час — я умру, вы остаетесь. Итак, о сыны народа, мое завещание вам таково: три моих сына — Бодонджар, Кагынджар, Салджут — не будут хорошими правителями юрта. И еще, о сыны народа! После смерти я явлюсь к моей супруге Алангу в виде мужского семени. От этого родится сын, достойный [править] юртом, — ждите же его! После смерти я буду нисходить в образе луча, удаляться в образе волка. Так вы меня узнаете», высказав народу [такое] завещание, покинул этот [бренный] мир Дуин-Баян. Услышав о кончине Дуин-Баяна, два его младших брата — Буданатай и Белгутай, жившие в земле калмыков, сказали: «Наш старший брат Дуин-Баян умер, а наша тетушка Алангу осталась вдовой» и с тридцатью тремя тысячами своих нукеров приехали к ней, чтобы выразить ей соболезнования. […]

Затем Буданатай и Белгутай сказали: «О тетушка! Позволь нам вернуться. После нашего сюда прибытия приехал посланник из страны Тангут с дурной вестью, мы уезжаем». Алангу сказала: «О мои младшие братья Буданатай и Белгутай! Было бы лучше, если бы вы потерпели [с отъездом] несколько дней. Потому что эти мои три сына — Бодонджар, Кагынджар, Салджут — перестали считаться с народом, причиняют [людям] зло и насилие, меня не слушаются. Что бы вам не научить их уму-разуму?». Буданатай и Белгутай сказали: «О тетушка! Наше слово к этим нашим племянникам таково: да будут верны тебе, своим бекам и старшим над народом и да содержат вас в почете. Знайте же признаки ладного юрта:

Он наживет друзей больше, чем врагов,
Он окопает крепость рвом,
[Городские] ворота сделает широкими,
Вражескому племени, чужому нукеру
свою тайну не раскроют,
Старших посадят на почетное место,
Младших поставят прислуживать.

Знайте же [и] признаки неладного юрта:
Он будет хулить свой юрт и хвалить чужой,
Он будет хулить свой род и хвалить чужой,
Он будет хулить своего старшего родственника и хвалить чужого,
Старший будет молчать, а младший — говорить,
Отец будет молчать, а сын — говорить,
позоря [своего отца]. […]

Пусть раскаются перед Всевышним, испрашивают советы у старших и беков, а больше нам сказать нечего», — ответили [Буданатай и Белгутай]. Сказав так, Буданатай и Белгутай вернулись в свой юрт. После их отъезда эти три сына — Бодонджар, Кагынджар, Салджут — не стали прислушиваться к наставлениям своих дядей, не считались со своей матерью, дела их разладились. Стали они совершать насилие над беками, сынами и дочерьми народа. У баев они отбирали двугорбых верблюдов, быстроногих коней, длинношеих аргамаков, богатырские доспехи, у добрых беков — дочерей. Сыны народа воспротивились этому, собравшись, пришли к Алангу и сказали: «О Алангу! Наши мышцы иссохли, остались лишь кости. Больше мы не можем терпеть». Алангу ответила: «О сыны народа! Они не внемлют моему слову, да и вас не ценят. […] Разве не сказал вам мой муж Дуин-Баян “после смерти я явлюсь в виде мужского семени”? Ныне настал урочный час. Можете быть счастливы, [у меня] будет мальчик». Услышав от Алангу эти слова, сыны народа обрадовались, сделались веселы. Эти слова Алангу стали известны в народе, и [все] с нетерпением стали ждать, когда же он появится на свет.

[Бодонджар, Кагынджар и Салджут обвиняют мать в прелюбодеянии. По ее предложению для установления ее невиновности решают устроить дежурство возле ее юрты, для чего выбирают трех человек — Кыпчака, Киль-Мухаммада и Урдаджа.]

…На рассвете с неба снизошел яркий луч. Увидав его, они словно опьянели. Придя в себя через некоторое время, они [Кыпчак, Киль-Мухаммад и Урдадж] вопрошали друг у друга: «Чем был снизошедший давеча луч? Чем сидеть, словно опьяневшие, давайте зазвеним тетивой наших луков. Если там есть волк, он выйдет». Встав, они зазвенели тетивами своих луков и увидели выходящего [из юрты] голубого волка с лошадиной гривой. Крикнув «Чингиз! Чингиз!», он скрылся в лесу. Эти трое рассказали то, что видели явно, Бодонджару, Кагынджару

и Салджуту. [Эти три брата] сказали: «Будь что будет, но нашей доли [наследства] [Чингиз] не получит». Через некоторое время у Алангу озарились глаза, и она родила мальчика. На его лопатках, спеленутых в золотые пеленки, была печать с именем ангела Джабраила. Сам он был с волчьими лопатками, красивым, как Джабраил. Видевшие его лицо говорили ему вслед: «Умру [за него]!», сидевшие напротив него таяли словно масло и говорили: «Пусть мой конь и моя одежда будут твоими».

Когда Чингиз вырос и возмужал, своей справедливостью и правосудием [он] принес народу много пользы. Сыны народа, возлюбив его, стали следовать за ним, восхваляя его как очень хорошего хана — потомка ханов. Его старшие братья Бодонджар, Кагынджар и Салджут взревновали Чингиза и сказали: «Смотрите, наши нукеры и наш народ увлеклись [нашим] приблудным братом. Давайте убьем его, иначе не видать нам покоя». Посовещавшись, эти три сына собрались в один из дней и воззвали к народу: «[Давайте] убьем Чингиза!». Сыны народа ответили: «Эй, да Чингиз более вас троих выглядит достойным [править] юртом! Он полезен народу. Мы не дадим вам убить Чингиза! Если хотите, можете разделить [между собой] имущество своего отца. В противном случае мы умрем за Чингиза». Услышав от сынов народа такие слова, эти трое испугались и не смогли ничего сделать, но про себя решили: «Сыны народа склонились на сторону Чингиза, [поэтому] открыто его убить не удастся. Убьем его тайно, не говоря народу». «Ладно, — сказали они, — если вы так хотите, мы разделим отцовское имущество» — и поделили его. Лишь стоимость одного оставшегося от Дуин-Баяна колчана, украшенного золотом и драгоценными каменьями, они не смогли оценить и оставили его неподеленным. «Пусть колчан достанется тому, кому матушка пожалует ханское достоинство», — решили сыновья [Дуин-Баяна]. После окончательного раздела имущества они, взяв колчан, пришли к своей матери и сказали: «О матушка! Пожалуйте кому-нибудь [из нас] ханское достоинство, и пусть он возьмет этот украшенный золотом колчан». Алангу сказала: «О дети мои! Хулящий свой юрт будет хулим в чужом юрте, хулящий свою мать попадет в плен [к] врагу, хулящий своего родича будет унижен недругом. Вы, о злосчастные, будете ли следовать моим словам?». Те трое ответили: «Да, будем», — «Если так, попробуйте повесить свои пояса на [солнечный] луч. Чей пояс на нем повиснет, пусть тот мой сын и будет ханом». Сыновья одобрили эти слова Алангу, сняли свои позолоченные пояса, но пояс ни одного из них троих не повис [на луче]. А у Чингиза был один шелковый пояс. Он тоже снял его, и его пояс повис. Увидев это, Бодонджар, Кагынджар и Салджут чрезвычайно удивились и, разозлившись, сказали: «Наша мать Алангу, оказывается, великая колдунья. Она заколдовала наши глаза». Сказав так и затаив в сердце злобу, они ушли, но продолжали замышлять как его убить. Затем этот мальчик, Чингиз, сказал: «Мои старшие братья стали моими врагами, они выследят меня и убьют». Опасаясь за свою жизнь и посоветовавшись о том, чтобы уйти казаковать, он взял с собой двух-трех джигитов и, придя к своей матери Алангу, сказал: «О матушка! Я сейчас уеду из этой земли, из этого юрта. У истока этой [реки] Тикалик есть темная гора Коргурлен. На той горе я расположусь, устроюсь юртом, буду охотиться на птиц и зверей. Буду ощипывать добытую мною птицу, а ее пух и перья пускать по воде — так ты будешь знать, что мы живы. Заставлю реветь медведя, убегать льва. Кто пойдет меня искать, пусть так узнают [мое местонахождение]». Они уехали, а его мать осталась плакать. На другой день люди пришли на корунуш и, не увидя Чингиза, спросили: «Где наш хан Чингиз?». Не найдя его, они застенали-заплакали. Придя затем, спросили у Алангу [о его местонахождении, но] она не сказала.

После того как Чингиз-хан ушел казаковать, его старшие братья Бодонджар, Кагынджар и Салджут принялись притеснять сынов народа. Сыны народа, не вытерпев, пришли к Алангу и сказали: «О Алангу! Лучше бы ты погубила нас, не показывая своего сына Чингиза. Зачем же губишь нас, показав его?». «О Алангу! Скажи, где наш хан Чингиз? Мы поедем его искать», — стеная и плача, спрашивали они. Алангу ответила: «О сыны народа! Если это так, если вам нравится мой сын Чингиз, пусть ко мне [завтра] утром придут достойные представители пятишести родов. Я покажу им как его [Чингиз-хана] найти». Утром [к Алангу] пришли достойные представители шести родов и спросили как его найти. Алангу ответила: «Пойдите и смотрите на реку Тикалик, по ней придет весть о нем». Они пошли на берег реки и смотрели на воду, но ничего не увидели, кроме клочьев птичьего пуха и перьев. Когда они вернулись, Алангу спросила: «Что вы видели?». Они ответили: «Нет, ничего не видели, разве только клок птичьих перьев». Алангу сказала: «Знайте же, те перья, что вы видели, и есть весть о моем сыне Чингизе. Ищите [его] вдоль реки Тикалик. У истока реки Тикалик, на вершине темной горы Коргурлен

вы встретите пять-шесть деревьев». «Я расположусь в том месте, буду охотиться на птиц, а ощипав их, перья буду пускать по воде», — говорил [Чингиз]. «Идите, ориентируясь на эти перья, — сказала она. — А у реки Тикалик есть такое старинное обыкновение: днем она выходит из своих крутых берегов, ночью [же] возвращается в свое русло». Еще Алангу сказала им: «Когда вы дойдете до того места, [где живет Чингиз], кто бы вам [там] ни встретился, говорите "Дуин, Дуин". Внешность же моего сына Чингиза такова: он в белых одеждах, на синем коне, в золотой шапке, с очень красивым лицом, с золотым колчаном, мужественным ликом, стройный, словно Джабраил; если он хлестнет своего коня, то словно исчезнет. Так вы его узнаете», — сказала [Алангу]. Имена беков, поехавших призывать Чингиз-хана [на ханство], таковы: первый — Уйшин Майкы-бий, второй — Калдар-бий, третий — Урдадж-бий, четвертый — Кыпчак-бий, пятый — Тамйан-бий, шестой — Кераит-бий, седьмой — Буртак-бий, восьмой — Темир Кутлу-бий, девятый — Мутйан-бий, десятый — Тангут-бий. Эти десять беков, посоветовавшись, любя Чингиз-хана, хотели его призвать [на ханство]. Но четыре бека не захотели его призывать, сказав: «Порицая нашего нынешнего хана, призывать издалека [другого] — пустое [занятие]». Один из них Кунграт-бий, второй — Катай-бий, третий — Салчут-бий, четвертый — Кият-бий. Катай, Салчут, Кият — эти трое владели сынами народа, Кунграт-бий [же] был их доверенным советником. Кунграт-бий не поехал призывать Чингиз-хана. Эти упомянутые десять человек не послушали Кунграта и поехали. Уйшин Майкы-бий, втайне от других беков, взял у Алангу один ее перстень с печатью. Пойдя вдоль реки Тикалик, через три месяца достигли [того места, где живет Чингиз]. Трое [из них], поднявшись на отвесную гору, осмотрелись и увидели позади один белый дворец и один синий дворец. Повернув назад, они шли еще неделю, но так и не достигли тех дворцов. […]

Чингиз-хан спросил: «Кто вы, о постоянно следующие за нами?». Они, [беки], сказав «Дуин, Дуин», стояли и стенали. Видя их плач, Чингиз-хан и сам прослезился и спросил их еще раз: «Зачем вы пришли сюда?». Они ответили: «Мы насилу добрались до тебя!». Тогда Чингиз-хан спросил: «Кто научил вас прийти сюда?». Они ответили: «Ваша матушка Алангу оказала нам милость и, пожаловав, научила нас». Чингиз-хан сказал: «Хорошо, если так, есть ли [у вас] какая-нибудь весточка от матушки для меня?». Все беки остались стоять, и лишь Уйшин Майкы-бий снял со своей руки и передал [Чингиз-хану] взятый у Алангу перстень с печатью. Чингиз-хан, взяв и осмотрев перстень, узнал перстень с печатью принадлежащий Алангу, рассмеялся и сказал: «О Майкы-бий! Если я буду ханом, пусть должность бека принадлежит тебе. Если бы ты не принес этот перстень с печатью, не показал какую-нибудь весточку от матушки, я не стал бы с вами разговаривать, а вы не были бы мне товарищами. Но, слыша эти слова, вы, остальные беки, не печальтесь, ибо все вы часть моей души. Давайте вернемся в лагерь и посидим там». [Все] они пошли во дворец, где неделю ели пищу и пили разные вина до тех пор, пока не погасли светильники и не закончилась пища. Затем Чингиз-хан сказал: «Идемте, теперь посидим-посоветуемся. Вы, пришедшие призвать нас, — народ скольких родов вместе с вами?». Эти [беки] встали и стали просить. Сказали: «О величайший наш хан, наша душа! Если Вы спросите о числе пришедших родов, нас, пришедших призывать Вас, десять человек от девяти родов, а Калдар-бий сам по себе, его прислала с нами Ваша матушка Алангу. Что же до Кунграт-бия, то он не захотел. Он со своим родом у твоих братьев. Мы же, чтобы увидеть Ваше благословенное лицо, из последних сил дошли до Вас и объединились вокруг Вас. Все мы со всем народом наших родов — твои рабы». Услышав от них это слово, Чингиз-хан обрадовался и сказал: «О мои уважаемые беки! С этого дня вы принадлежите мне, а я — Вам!». Эти [беки], услышав эти слова Чингиз-хана, чрезвычайно обрадовались и, сказав: «Нам тебя послал Бог, в благодарность ему давайте отпустим на волю коней, на которых мы приехали», отпустили их [в благодарность] за то, что нашли Чингиз-хана.

[Беки изготовляют телегу и привозят на ней Чингиз-хана. Чингиз-хан расправляется над родами трех своих братьев и Кунграт-бия. Сестра последнего, Борте-Кучин, укрывает по одному сыну каждого из глав избитых родов, чтобы эти роды не пресеклись. Это становится известно Чингиз-хану, который одобряет поступок Борте-Кучин и женится на ней].

…Да не будет тайной, что у Чингиз-хана от Борте-Кучин было четыре сына. Старший сын — Йучи-хан, второй — Джадай-хан, третий — Керай-хан, четвертый — Тули-хан. Чингиз-хан обладал добрым нравом и правосудием. Со своими сыновьями и войском выступая в походы и воюя, он покорил много ханов и орд. Его имя и слава стали известны во всем мире.

[Перечисляются беки, каждому из которых Чингиз-хан пожаловал место для кочевания и народ, родовую тамгу, птицу, дерево и уран (боевой клич), а также страны, которые Чингиз-

хан пожаловал своим четырем сыновьям].

…А после, да будет вам ведомо, что Чингиз-хан родился от матери в пятьсот сорок девятом году по летосчислению нашего пророка Мухаммада — (да благословит его Аллах и да приветствует)! — в год свиньи, в месяце зуль-каада*. Затем Чингиз-хан прожил семьдесят два года. Взойдя на ханский престол и став ханом в тринадцать лет, он ханствовал пятьдесят девять лет. Областью и юртом, где родился и жил Чингиз-хан, был Катай. Через семьдесят два года, в год свиньи, в четырнадцатый день благословенного месяца рамазан, в шестьсот двадцать четвертом году** он покинул этот мир, оставив по себе славу.

№ 4. Идегей

[Ссора Токтамыш-хана с Аксак-Тимуром и то, как были приговорены к смерти Кутлукыя и его сын Идегей]

…Могучий муж Токтамыш,
Разгневавшись, вскричал:
Эй, Кутлука, Кутлука!
Суть твоя низка, Кутлука!
Чья ныне эпоха? —
Эпоха Токтамыша!
Чье ныне время? —
Время Токтамыша!
Двукрылый золотой венец,
[У которого] вместо глаз [вправлены] самоцветы,
Передающаяся от Чингиза птица благополучия («*дәүләт кош*»)
Разве не на моей голове?
Богатая страна в шестимесячный путь шириной
Лежит у моих ног,
Подать за податью ведь я налагаю
И я собираю,
Многими ордами
Ведь я владею,
В обширной стране, оставшейся без закона («*түрә*»)
[Ныне] ведь я блюду закон —
Разве я сам — не Чингиз?
Объясни, как уйдет от меня благополучие («*дәүләт*»),
И как покинет тебя счастье?..

СЛОВАРЬ:
Бек — князь.
Вилайет — область, провинция; страна.
Йасак — яса (Свод монгольского феодального права. Создание ясы приписывается Чингиз-хану).
Коналга — повинность по перевозке, приему и содержанию следующих по службе чиновников.
Корунуш (күренеш) — аудиенция у монарха.
Нукер — дружинник, военный слуга.
Оглан — сын, ребенок.
Сусун — провиант.
Сыр — река Сырдарья.
Юрт — территория для кочевания племени или рода, а также народа, являющегося уделом того или иного правителя («иля», «улуса»). Позже этот термин использовался как компонент названий постзолотоордынских государств (см., например, в русских источниках: Тохтамышев царев юрт = Крымское ханство, Мангыцкий юрт = Ногайская Орда и т. п.).

Рис. на с. 19: Бронзовая маска Чингиз-хана. Чингиз-хан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. – М., 2004 (обложка).

Публикацию подготовил
Ильяс Мустакимов,
ведущий советник ГАУ при КМ РТ

* 7 января — 5 февраля 1155 г.
** 28 августа 1227 г.